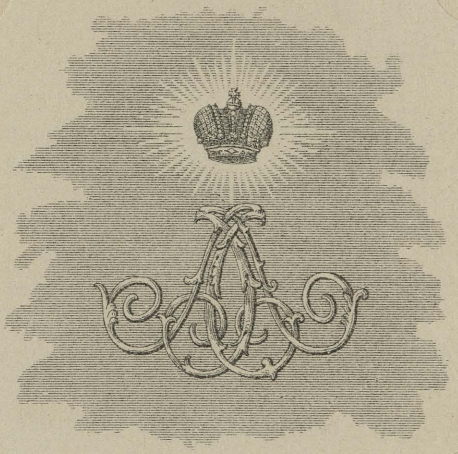
P 22/443

ШКАФЪ 8-
ПОЛКА VI.
№ 12.

1481

Р 22
443

23169
D

Р 22
443

ПРИБАЛТІЙСКАЯ
АГРАРНАЯ РЕФОРМА
и
Госп. Профессоръ Кавелинъ.

Барона К. Рекке.

Переводъ съ нѣмецкаго.

Изъ Baltische Monatsschrift (Балтійское ежемѣсячное изданіе).

Ф.32-7965

Ревель.
Изданіе Франца Клуге.
—
1884.

Дозволено Цензурою. Ревель, 9 Февраля 1884.

2014101964

Печатано въ типографіи И. Ф. Штеффенгагена и сына въ Митавѣ.

Въ Вѣстникѣ Европы появилась статья Г. Профессора К. Кавелина, подъ заглавіемъ: „Освобожденіе крестьянъ и Г. фонъ Самсонъ-Гиммельстіерна," статья очень замѣчательная и въ высшей степени интересная для прибалтійскихъ провинцій.

Авторъ вникаетъ сперва въ причины замѣчаемаго съ нѣкотораго времени разлада между интеллигенціями Русской и прибалтійской, и выяснивъ, какъ онъ полагаетъ, причины эти, проводитъ паралель между формой, въ которой состоялась эманципація въ прибалтійскомъ краѣ и пріемами, полстолѣтія послѣ, примѣненными къ освобожденію крестьянъ въ Имперіи. Статья эта написана преимущественно съ цѣлью отвѣчать на нѣкоторыя нападки на прежде высказанныя мысли автора по поводу аграрныхъ реформъ, и потому она не чужда полемическаго оттѣнка; тѣмъ не менѣе въ ней такъ много дѣльнаго, и общій тонъ ея на столько объективенъ и сдержанъ, что она какъ бы вызываетъ къ спокойному обсужденію возбуждаемыхъ ею мыслей и со стороны остзейскихъ воззрѣній, и это тѣмъ болѣе, что и самъ Г. Кавелинъ находитъ весьма желательнымъ достигнуть, на сколько это возможно, всесторонняго пониманія столь важныхъ для всего народнаго быта аграрныхъ вопросовъ. Къ сожаленію однако обсужденіе состояній и отношеній противной стороны часто затрудняется недостаточнымъ знакомствомъ съ ними, подвергается не рѣдко вліянію предвзятыхъ мыслей и потому слишкомъ часто становится несправедливымъ, что всегда ведетъ

къ роковымъ послѣдствіямъ для слабѣйшей изъ спорящихъ сторонъ. — Съ своей стороны въ настоящемъ разборѣ статьи Г. Кавелина мы будемъ конечно держаться исключительно одной существенной ея части, пропуская все, что въ ней встрѣчается полемическаго. Что касается причинъ разлада, заявленнаго Г. Кавелинымъ между интеллигенціями Русской и прибалтійской, мы будемъ говорить о нихъ ниже, теперь же обратимся къ проведенной имъ паралели между Русской формой эманципаціи и остзейской.

Сказать вкратцѣ, Г. Кавелинъ находитъ самую суть различія между обѣими формами въ слѣдующемъ: въ прибалтійскомъ краѣ проводили реформу постепенно и притомъ всегда съ тщательнымъ соблюденіемъ сельскохозяйственныхъ интересовъ; для чего именно и создали классъ работниковъ безземельныхъ, и потому самому состоящихъ въ большей или меньшей зависимости отъ землевладѣльцевъ. На оборотъ въ Имперіи, въ угоду иному идеалу, съ прошлымъ было порвано радикально и непосредственно и, не обращая никакого вниманія на интересы сельскаго хозяйства (подъ коимъ авторъ подразумѣваетъ, кажется, барское) было вызвано къ существованію, рядомъ съ классомъ помѣщиковъ, совершенно отъ него независимое крестьянское сословіе. Такимъ образомъ въ прибалтійскомъ краѣ аграрная реформа имѣетъ характеръ лишь постепеннаго, хотя и существеннаго улучшенія быта крестьянъ, при чемъ однако сохранился неизмѣннымъ первобытный типъ сельскихъ отношеній, а именно зависимость одного сельскаго класса отъ другого, между тѣмъ какъ въ Имперіи въ равноправности обоихъ этихъ классовъ возникло нѣчто на самомъ дѣлѣ новое.

Переходя за тѣмъ къ практическимъ послѣдствіямъ каждой изъ обѣихъ этихъ формъ эманципаціи для блага народа, Г. Кавелинъ съ чувствомъ справедливости,

достойной глубокаго уваженія, признаетъ прямо и вполнѣ, что въ настоящее время успѣхъ рѣшительно на сторонѣ прибалтійской эманципаціи, полагаетъ однако что въ будущемъ картина измѣнится. Между тѣмъ какъ для прибалтійскихъ землевладѣльцевъ, принесшихъ яко бы будущее въ жертву настоящему, онъ предвѣщаетъ въ свое время тяжкія затрудненія, отъ реформы въ Имперіи ожидаетъ онъ, что она осуществитъ таки идеалъ, положенный ей въ основаніе и опредѣлившій направленіе ея. Идеалъ этотъ — мирное совмѣстное существованіе обоихъ, одинъ отъ другаго независимыхъ, классовъ сельскаго населенія, на основаніи солидарности ихъ взаимныхъ интересовъ, а въ придачу еще, можетъ быть, устраненіе сельскаго пролетаріата, благодаря общинному землевладѣнію. А потому Г. Кавелинъ ударяетъ на то, что еслибъ въ настоящее время пришлось сызнова начинать въ Имперіи эманципацію, то отнюдь не слѣдовало бы искать для этого дѣла новыхъ началъ, иныхъ чѣмъ тѣ, уже однажды избранныя, при чемъ онъ указываетъ на то обстоятельство, что Русская эманципація не принесла еще желаемыхъ плодовъ потому преимущественно, что проведеніе ея было поручено лицамъ съ самого начала мало сочувствовавшихъ этой великой реформѣ.

Есть безспорно значительная доля правды въ этомъ взглядѣ на отличительныя черты эманципаціи прибалтійской и Русской. Однако мы не можемъ не присовокупить, что въ этомъ изложеніи иное и не совсѣмъ вѣрно, виной чему безъ сомнѣнія не достаточное знакомство автора съ мѣстными условіями и законами остзейскаго края. — Во первыхъ фактически не вѣрно, что въ прибалтійскомъ краѣ сословіе безземельныхъ работниковъ было создано при отмѣненіи крѣпостнаго права. Въ настоящее время никто не можетъ указать навѣрно на тотъ моментъ въ прошломъ, когда возникъ этотъ классъ людей. Всего вѣрнѣе предположить, что отношенія

земледѣльческихъ работниковъ къ ихъ хозяевамъ никогда не были установлены какимъ либо законодательнымъ актомъ, а устроились сами собой, какъ естественное послѣдствіе личнаго владѣнія крестьянскими дворами. — Надо полагать, что прежда всего на хозяина отдѣльнаго арендаго участка*) работали члены его собственной семьи, когда же число ихъ возрастало до того, что они уже не находили дома подходящаго занятія, то они поступали въ работники къ такимъ хозяевамъ, у которыхъ не было своихъ домочадцевъ, или же къ такимъ, которые до того разширяли свои владѣнія, что уже не успѣвали отбывать всѣ работы съ наличнымъ составомъ своихъ семей. Нѣкоторое вліяніе могло оказать и то обстоятельство, что, по крайнѣй мѣрѣ у Латышскаго племени не вошло въ обычай дѣлить крестьянскій дворъ, при переходѣ его по наслѣдству. Латышъ арендаторъ всегда держался въ сельско хозяйственномъ отношеніи безспорно совершенно правильной недѣлимости двора и участка, и всегда старался по возможности увеличивать его. До сихъ поръ не удалось доказать исторически, существовало ли когда въ прибалтійскомъ краѣ общинное землевладѣніе, какъ оно встрѣчается у нѣкоторыхъ племенъ, стоящихъ на извѣстной ступени культуры, а если и существовало, до какого именно времени. Одно не подлежитъ сомнѣнію, что съ незапамятныхъ временъ здѣшніе крестьяне состояли въ личномъ владѣніи своими участками и воздѣлывали ихъ, а равно и отбывали барщину съ помошью наемныхъ го-

*) Gesinde: такъ переводится это слово въ указѣ правительствующаго сената Курляндскому Губернатору отъ 20 Сентября 1863 года. Такіе участки (Gesinde) состоятъ изъ 30 до 80 десятинъ удобной земли въ одной чертѣ, усадьба съ необходимыми сельско хозяйственными постройками находится обыкновенно въ серединѣ участка. Хозяйственная система по большей части девяти и десяти польная. Примѣчаніе переводчика.

довыхъ работниковъ. Прибалтійскіе крестьяне уже вполнѣ сжились съ этимъ порядкомъ земледѣльческихъ условій къ тому времени, какъ ихъ освободили отъ крѣпостной зависимости. Около трети всѣхъ крестьянскихъ семей владѣли такими отдѣльными участками за издѣльную повинность въ пользу помѣщика, остальныя же двѣ трети служили у крестьянъ хозяевъ на основаніе договоровъ, или за пользованье частью земли, или же за иное вознагражденіе. Измѣненіе этой системы въ смыслѣ новаго подѣла земли между всѣми крестьянами встрѣтило бы безъ сомнѣнія упорное сопротивленіе со стороны значительной части самихъ крестьянъ. Надѣлы для безземельныхъ работниковъ пришлось бы выдѣлять изъ земель состоящихъ въ пользованіи крестьянъ хозяевъ, чего нельзя было бы сдѣлать безъ разстройства хорошо округленныхъ арендныхъ участковъ, а поставленныя на нихъ въ соотвѣтствующемъ количествѣ строенія все таки не подлежали бы дѣленію. Такія коренныя преобразованія въ землевладѣніи только тѣмъ могутъ казаться осуществимыми, у которыхъ носится передъ глазами картина вовсе неустроеннаго крестьянскаго хозяйства. Работникамъ, обращаемымъ въ землевладѣльцевъ, пришлось бы, чтобъ обезпечить дальнѣйшее существованіе, строить себѣ домы, обзавестись хозяйственными постройками. Такимъ образомъ, съ одной стороны значительный въ постройкахъ на арендныхъ участкахъ затраченный капиталъ остался бы по большей части непроизводительнымъ, а самыя постройки пришлись бы лишь въ тягость арендаторамъ, а съ другой для работниковъ, чтобы зажить хозяевами, потребовались бы капиталы для нихъ не достижимые.

Совмѣстное жительство двухъ или трехъ, независимыхъ одинъ отъ другаго хозяевъ въ одномъ и томъ же строеніи оказалось бы немыслимымъ при рѣзко отчеканенномъ индивидуализмѣ прибалтійскихъ крестьянъ.

Но Г. Кавелинъ не признаетъ нужнымъ соображаться съ интересами сельскаго хозяйства, когда дѣло идетъ о рѣшительной аграрной реформѣ. Въ такомъ случаѣ, чтобы упрочить постоянный надѣлъ всѣхъ крестьянъ землею, не оставалось бы другаго средства, какъ замѣнить господствующее до настоящаго времени личное владѣніе учрежденіемъ общиннаго землевладѣнія съ періодическимъ передѣломъ полей и круговою порукой въ отбываніи повинностей. На сколько намъ извѣсто не существуетъ другаго вида владѣнія, способнаго всегда слѣдовать за колебаніями народонаселенія такъ, чтобы за каждымъ взрослымъ членомъ общины было обезпечено пользованіе землей. Не сомнѣваемся въ томъ, что надѣленіе работниковъ землей на первыхъ порахъ пришлось бы имъ по вкусу, но еще вопросъ, остались-ли бы они довольны и тогда, когда бы имъ пожаловали надѣлы въ видѣ общиннаго владѣнія со всѣми его послѣдствіями. Какъ бы то ни было, система эта не могла бы удержаться здѣсь на долгое время.

Столько уже толковали въ печати о выгодахъ и невыгодахъ общиннаго землевладѣнія, что мы не станемъ подробно разбирать ихъ здѣсь. Самъ Г. Кавелинъ сознается, что общинное владѣніе въ настоящемъ его видѣ не можетъ далѣе существовать, и при этомъ указываетъ на проэктъ реформы, изложенный имъ въ одной прежней статьѣ. Статья эта намъ неизвѣстна, с. б. остается неизвѣстнымъ и самый проэктъ. Тѣмъ не менѣе однако мы должны сказать, что прибалтійскій крестьянинъ, хотя бы онъ былъ простой поденщикъ, никогда не пойметъ такую аграрную систему, въ силу которой отведенный ему и имъ воздѣлываемый участокъ долженъ былъ бы переходить то туда, то сюда, а самъ онъ былъ бы вынуждаемъ вносить арендную плату или платить проценты за того или другаго оборваннаго сосѣда. Не пойметъ онъ и того, какъ можно отъ него

требовать выкупа, с. б. погашенія капитала, за участокъ земли, на который онъ не получилъ права собственности, которымъ онъ не можетъ свободно распоряжаться, ни продать, ни передать его по наслѣдству. Да онъ бы и не вынесъ въ настоящее время такой зависимости отъ крестьянскаго общества, которая могла бы стѣснять его право на свободное движеніе по всей Имперіи и на избраніе образа жизни по усмотрѣнію. Наконецъ и жена прибалтійскаго крестьянина уже не возметъ на себя, какъ въ Имперіи это еще до сихъ поръ случается, обработку полей, чтобъ дать мужу возможность добывать необходимыя средства заработками на сторонѣ.

Впрочемъ какъ ни вредно отзываются на сельско хозяйственной производительности общинное владѣніе и неразрывно съ нимъ связанные передѣлы, вопросъ о нихъ могъ бы еще по нѣкоторымъ причинамъ оставаться открытымъ тамъ, гдѣ сельскій людъ живетъ въ деревняхъ, т. е. тамъ, гдѣ общинная земля сосредоточивается болѣе или менѣе около домовъ, не далеко одинъ отъ другаго отстоящихъ, такъ что изъ нихъ обработка отдѣльныхъ надѣловъ еще кое какъ возможна. Но тамъ гдѣ крестьянское населеніе разбросано по отдѣльнымъ дворамъ въ большомъ числѣ и на значительномъ одинъ отъ другаго разстояніи, которые съ принадлежащими къ нимъ отрубными участками удобной земли представляютъ соотвѣтствующій рядъ хорошо устроенныхъ особыхъ хозяйствъ, тамъ не только ни какъ на практикѣ не проводимо, но просто не мыслимо, совокупность такихъ хозяйствъ, причисленныхъ къ чертѣ одного общества, разбить на равноцѣнные участки по числу состоящихъ каждый разъ на лице способныхъ къ работѣ членовъ такого общества, да еще разбить не разъ на всегда, а повторять и измѣнять дѣлежъ принаравливаясь къ колебаніямъ въ числѣ этихъ членовъ. Между тѣмъ извѣстный фактъ, что Латыши въ прибалтійскихъ провинціяхъ

никогда не селились по деревнямъ, а проживали исключительно въ отдѣльныхъ дворахъ, и что если въ сѣверныхъ полосахъ провинцій между Эстами, и въ нѣкоторыхъ юговосточныхь мѣстностяхъ съ смѣшеннымъ населеніемъ по большей части Бѣлорусскаго происхожденія, и наконецъ между рѣдкими остатками племени Ливовъ и встрѣчалось нѣчто въ родѣ деревень, то уже съ давнихъ поръ, благодаря неотразимому вліянію успѣховъ сельскаго хозяйства, поселки эти съ ихъ такъ называемыми шнурами*) подвергаются процессу роздробленія на отдѣльные хзяйственные участки, какой процессъ по значительно большей части уже и совершился. — А на мысль перевесть населеніе изъ оседлости по отдѣльнымъ дворамъ на систему деревенскихъ поселковъ, другими словами разрушить уже существующія хозяйства, что бы на мѣстѣ ихъ устроить новыя, общинныя поселенія, на такую мысль едва ли отважится и самый ярый поборникъ общиннаго землевладѣнія . .

Все это необходимо ведетъ къ заключенію, что тамъ гдѣ разъ уже образовалось личное, индивидуальное землевладѣніе, возвратъ къ общинному уже совершенно не возможенъ, такъ какъ общинное владѣніе есть ни что иное какъ первый шагъ за порогъ скитальческаго быта народовъ. А потому при эманципаціи въ остзейскихъ провинціяхъ не могло быть разумѣется и рѣчи о надѣленіи землей безземельныхъ работниковъ.

Кажется, что Г. Кавелинъ не долюбливаетъ быть крестянскихъ роботниковъ, и что въ отношеніяхъ ихъ къ хозяевамъ видитъ жалкую зависимость одного сельскаго класса отъ другаго. — Почему бы однако быть этотъ заслуживалъ большаго сожалѣнія, чѣмъ по-

*) Мѣстный терминъ (Schnurländereien.) Шнурами называются пахатныя земли принадлежащія такимъ поселкамъ, разбитыя на три поля, съ смежными въ каждомъ полѣ участками по числу душъ въ поселкѣ. Примѣчаніе переводчика.

ложеніе всякихъ другихъ слугъ, иногда совершено личныхъ, безъ которыхъ между тѣмъ человѣческое общество едва ли когда совершенно обойдется? — Отношенія работниковъ къ хозяевамъ основаны на добровольныхъ договорахъ, обусловленныхъ давнишнимъ обычаемъ и нравами народа, и доставляютъ средства къ существованію не только обезпеченному, но и безбѣдному.

Г. Кавелинъ имѣетъ кажется въ виду поденщика, живущаго изо дня въ день, не имѣющаго ни кола ни двора. Это вовсе не нашъ крестьянскій работникъ. У насъ онъ нанимается почти всегда на годъ, ему отводятъ обыкновенно клочекъ земли въ пользованіе, и съ семействомъ своимъ онъ имѣетъ собственное домовое хозяйство. Жизнь его болѣе обезпечена чѣмъ существованіе фабричнаго рабочаго, ибо земледѣліе ни на мигъ не можетъ прервать свое производство, между тѣмъ какъ работа на фабрикахъ зависитъ отъ многихъ случайностей.

Въ исправныхъ хозяйствахъ уживаются цѣлыя поколѣнія дѣльныхъ работниковъ, — сынъ часто замѣщаетъ состарѣвшагося отца, и такимъ образомъ между работниками и дающимъ имъ работу возникаютъ отношенія, ручающіяся за мирное совмѣтное житье на многія лѣта. Въ краѣ благоустроенномъ, при постоянныхъ успѣхахъ земледѣлія, для порядливаго сельскаго работника всегда найдутся хорошое мѣсто и подходящая работа, такъ что можно сказать, дающій работу ровно на столько зависитъ отъ работниковъ, сколько работники отъ него. Въ самомъ положеніи слуги ничего же не можетъ быть унизительнаго, покуда оно возлагаетъ на него отправленіе свободно принятаго на себя, честнаго труда. По этому намъ сдается, что Г. Кавелинъ не знаетъ отзейскаго работника, служащаго у хозаина. А между тѣмъ не мало такихъ работниковъ, скопивъ небольшой капиталъ, переселяются въ сосѣднія губерніи,

всего чаще въ Псковскую, скупаютъ тамъ дешевыя земли и въ свою очередь заживаютъ хозяевами. Не нужда вызываетъ этихъ выселенцевъ изъ родины, а нѣкоторый духъ предпріимчивости. И на новыхъ мѣстахъ можно наблюдать ихъ трудолюбіе, трезвость и хозяйственную умѣлость, занесенную изъ родины. Конечно приходятъ и къ намъ, въ прибалтійскій край работники изъ внутренныхъ губерній, да еще каждую весну и тысячами; это, говорятъ, все крестъяне собственники; они пользуются надѣломъ, даже участвуютъ въ самоуправленіи губерніи, какъ первичные избиратели; а между тѣмъ они не только не приносятъ съ собой никакихъ капиталовъ, но зачастую не имѣютъ даже необходимой одежды. Работаютъ они здѣсь не всегда въ силу вольнаго договора, но очень часто рабочая сила ихъ словно запродана ихъ общиннымъ начальствомъ тому или другому наемщику въ прибалтійскомъ краѣ, по большей части кирпичнымъ заводчикамъ, запродана на все лѣто за уплату впередъ ихъ обществу числящейся на нихъ недоимки. Мы имѣемъ здѣсь обращикъ неизбѣжныхъ послѣдствій общиннаго землевладѣнія съ круговою порукой, учрежденія по самому существу своему не способнаго побуждать къ трудолюбію, бережливости и трезвости и потому къ воспитанію народа непригоднаго.

Приводя эти снятые съ натуры очерки Русскихъ крестьянъ, надѣленныхъ землей, въ противуположность прибалтійскимъ безземельнымъ выселенцамъ, мы нисколько не думаемъ набрасывать тѣнь, хотя бы малѣйшую, на свѣтлыя стороны великаго акта эманципаціи въ Имперіи; но дабы эта исполинская и столь необходимая реформа, стоившая столькихъ усилій государству и столькихъ жертвъ помѣщикамъ стала бы дѣйтвительно благодѣтельной, надо прежде всего искать сущей правды, стараться узнать гдѣ скрываются тѣ недостатки, которые присущи и Русской эманципаціи, какъ всякому

дѣлу человѣческому. Съ своей же стороны мы не беремъ на себя высказать рѣшительное мнѣніе объ этомъ предметѣ. Можетъ быть, въ виду привычекъ и воззрѣній Русскаго народа и степени его культуры не было возможности замѣнить общинное пользованье землей иною формою владѣнія, и мы ни мало не думаемъ что приложеніе прибалтійской аграрной системы могло бы состояться въ Имперіи путемъ законодательства. Но кажется нельзя не пожалѣть, что принятые Государствомъ на себя выкупы требуютъ сохраненія круговой поруки на очень продолжительный срокъ и такимъ образомъ дѣлаютъ невозможнымъ существенное измѣненіе системы. Однако если уже и теперь, какъ замѣчаетъ это Г. Кавелинъ, въ Русскомъ народѣ проявляется стремленіе обособиться, особенно при семейныхъ раздѣлахъ, то легко могутъ возникнуть отсюда затрудненія, способныя сдѣлать не осуществимымъ идеалъ, носящійся передъ воображеніемъ Г. Кавелина. Мы думаемъ, что переселенія Латышскихъ и Эстонскихъ крестьянъ въ Русскія губерніи могутъ, всего болѣе конечно практическимъ примѣромъ, способствовать подорванію системы общиннаго землевладѣнія, такъ что тамъ, гдѣ наука безсильна, цѣль будетъ достигнута силой хорошо понятыхъ интересовъ.

Но въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ говоритъ о зависимости одного класса отъ другаго, Г. Кавелинъ имѣлъ въ виду, кромѣ положенія безземельныхъ батраковъ, еще зависимость крестьянъ отъ помѣщиковъ въ экономическомъ и общественномъ отношеніи. Здѣсь Г. професоръ совершенно правъ. Между тѣмъ какъ въ Имперіи земли отводимыя крестьянамъ были подвергнуты оцѣнкѣ, въ прибалтійскомъ краѣ сохранилось право добровольнаго соглашенія съ крестьянами объ арендной платѣ за ихъ участки, равно какъ и о покупной цѣнѣ, когда крестьяне пріобрѣтали ихъ въ собственность. За помѣщиками

оставили далѣе нѣкоторое право надзора и не маловажное вліяніе на общинную администрацію. Послѣднее впрочемъ было устранено крестьянскимъ положеніемъ 1866-го года, и съ тѣхъ поръ сельская община стала совершенно независимой отъ помѣщиковъ. Что же касается права добровольнаго соглашенія, то, хотя оно въ слѣдствіи опытовъ сдѣланныхъ въ этомъ отношеніи и осталось неприкосновеннымъ, однако, благодаря непрестанно и быстро идущему переходу отдѣльныхъ арендныхъ участковъ въ собственность крестьянъ, теряетъ предметъ и съ тѣмъ вмѣстѣ практическое значеніе. Ибо тамъ гдѣ крестьяне сдѣлались совершенными собственниками крестьянской земли, тамъ уже и рѣчи не можетъ быть о какой бы то ни было зависимости ихъ отъ помѣщиковъ.

Такъ какъ Г. Кавелинъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ, что въ Русской эманципаціи можно было обойтись безъ вотчиной полиціи, то здѣсь кстати замѣтить, что въ прибалтійскихъ провинціяхъ вотчиная полиція простирается только на самый господскій дворъ и на угодья состоящія въ непосредственномъ распоряженіи помѣщика, и собственно говоря не предоставляетъ правъ, а возлагаетъ обязанности въ интересахъ общественныхъ и государственныхъ. Полиція эта не имѣетъ также никакихъ карательныхъ мѣръ, ни даже тѣхъ незначительныхъ которыми могутъ распоряжаться старшины въ общинахъ.

Какой же однако практическій результатъ остзейской аграрной реформы, не смотря на право добровольнаго соглашенія, благодаря которому крестьяне на первыхъ порахъ стояли въ нѣкоторой зависимости отъ помѣщиковъ въ экономическомъ отношеніи? Едвали найдемъ мы болѣе выразительныя слова признанія благаго результата прибалтійской эманципаціи, какъ тѣ, въ которыхъ высказалъ это признаніе самъ Г. Кавелинъ. Можно утверждать безошибочно, что въ прибалтійскомъ

краѣ земля, при переходѣ ея въ собственность крестьянъ обошлась дороже правительственной оцѣнки ея во внутренныхъ губерніяхъ Имперіи, хотя значительная часть этихъ губерній такъ выгодно отличается отъ остзейскихъ провинцій именно чрезвычайно плодородной черноземной почвой. Тѣмъ не менѣе въ настоящее время прибалтійскіе крестьяне зажиточнѣе Русскихъ. Между тѣмъ какъ на Русскихъ крестьянахъ накопились такія громадныя недоимки, что еще недавно сложили ихъ если не ошибаемся до 50,000,000 р., о недоимкахъ на Прибалтійскихъ никогда и рѣчи не было. Кромѣ того остзейскіе крестьяне внесли милліоны въ счетъ выкупныхъ суммъ, и нѣтъ недостатка въ примѣрахъ, что пріобрѣтатели арендныхъ участковъ погашали сполна всю выкупную сумму въ теченіи 15 лѣтъ, между тѣмъ какъ срокъ погашенія въ Русской системѣ простирается, какъ извѣстно, свыше 80 лѣтъ.

Достиженіе такого благосостоянія у прибалтійскихъ крестьянъ сдѣлалось возможнымъ потому, что добровольное соглашеніе подало средство опредѣлить стоимость почвы, стоимость всегда относительную, гораздо вѣрнѣе и точнѣе, чѣмъ это достижимо розцѣнкой обнимающей цѣлыя зоны. Отношеніе, столь важное для сельскаго хозяйства, между лугомъ и пашней, существованіе путей сообщенія или отсутствіе ихъ, близость или отдаленность мѣста сбыта продуктовъ, болѣе или менѣе обильное снабженіе топливомъ, все это и еще многое иное вліяетъ самымъ рѣшительнымъ образомъ на доходность земли. Но всѣ такіе условія могутъ быть приняты во вниманіе только при добровольномъ соглашеніи о покупной цѣнѣ или арендной платѣ, но никогда и никакимъ образомъ при общихъ оцѣнкахъ простирающихся на цѣлыя полосы. Также же не слѣдуетъ забывать, что аграрная реформа въ прибалтійскомъ краѣ не стоила казнѣ ни копѣйки; мало этого, чтобъ пустить въ ходъ

дѣло перехода земель въ собственность крестьянъ въ здѣшнихъ провинціяхъ не было надобности прибѣгать къ займамъ изъ средствъ государства, такъ какъ сами помѣщики открыли крестьянамъ нужный кредитъ, на сколько выкупная сумма превышала ссуды мѣстныхъ банковъ. Тѣмъ не менѣе Г. Кавелинъ, кажется не совсѣмъ доволенъ нашей аграрной реформой, ибо онъ говоритъ: „Вся наша (т. е. Русская) исторія, весь нашъ бытъ, все наше міросозерцаніе, какъ простое, непосредственное, такъ и сознательное прошивятся идеалу, положенному въ основаніе при освобожденіи крѣпостныхъ въ прибалтійскомъ краѣ.“

Этотъ отталкивающій идеалъ и есть именно, по мнѣнію Г. Кавелина, то способствованіе интересамъ сельскаго хозяйства посредствомъ постепенно проводимой реформы.

Противъ этого мы замѣтимъ, что сельскій людъ живетъ не принципами, теоріями и идеалами, осуществимыми лишь въ дальнемъ будущемъ, и еще и тогда только, если счастливою случайностію проведеніе реформы попадетъ въ надлѣжащія руки, но требуетъ неотложно насущнаго хлѣба, необходимой одежды и средствъ для отбыванія его повинностей. — А потому сельскій людъ не можетъ ждать рѣшенія задачи согласно искони прирожденнаго ему міросозерцанія, но долженъ и можетъ лишь существовать при непрерывныхъ производительныхъ занятіяхъ земледѣльческими работами. Нисколько не думаемъ отрицать, что въ прибалтійской аграрной реформѣ интересы производительнаго сельскаго хозяйства были приняты къ должному вниманію; — но не должно забывать что въ прибалтійской системѣ индивидуальнаго владѣнія интересы эти равно дороги и помѣщикамъ и крестянамъ. Однако ошибочно было бы думать, что аграрное движеніе въ прибалтійскомъ краѣ было чуждо другихъ, идеальныхъ стремленій. Напротивъ, мы пола-

гаемъ, что наши идеалы въ ихъ крайнихъ послѣдствіяхъ не существенно различны отъ идеаловъ уважаемаго профессора Кавелина. Способствовать на сколько возможно матеріальному и нравственному благу крестьянъ, поднять ихъ умственный уровень, упрочить и личную свободу ихъ и ихъ экономическую независимость, совершенно обезпечивъ ихъ собственность — вотъ цѣли, которыя всегда преслѣдовала аграрная реформа въ прибалтійскомъ краѣ. Предполагаемъ и не думаемъ ошибаться, что тѣхъ же цѣлей прежде всего искалъ и самъ Г. Кавелинъ. — Только для достиженія этихъ цѣлей мы избрали другія пути, существенно различные. Мы говоримъ здѣсь не о различіи обѣихъ, пущенныхъ въ ходъ системъ, которыя совершенно зависѣли отъ мѣстныхъ условій и потому самому не могли быть одинаковы; мы имѣемъ въ виду преимущественно то обстоялельство, что въ прибалтійскомъ краѣ реформа проведена была постепенно, между тѣмъ какъ въ Имперіи произошелъ коренной разрывъ съ прошлымъ, разрывъ вызвавшій тотъ, какъ самъ Г. Кавелинъ его называетъ, болѣзненный процессъ, съ которымъ и теперь еще приходится справляться крестьянамъ центральныхъ губерній Имперіи, и который къ сожалѣнію ощущается и по всей Россіи, такъ что и прибалтійскія провинціи принуждены вносить свою лепту на уврачеваніе его.

Мы утверждаемъ и кажется безошибочно, что если реформы въ Россіи до сихъ поръ не имѣютъ удовлетворительныхъ результатовъ, вина въ этомъ лежитъ преимущественно именно на такомъ насильственномъ разрывѣ, на полномъ отсутствіи всякаго перехода отъ прежняго быта къ новымъ порядкамъ. — Въ одномъ мѣстѣ Г. Кавелинъ высказываетъ мнѣніе, что 50 лѣтъ назадъ классъ помѣщиковъ остзейскаго края стоялъ въ культурномъ отношеніи выше соотвѣтствующаго класса въ Имперіи, но что въ то же время Русскіе крестьяне

ни въ чемъ не уступали прибальтійскимъ. Мы не можемъ не сомнѣваться въ вѣрности этого мнѣнія, уже въ слѣдствіе общаго закона, по которому культура, пробудившаяся въ высшихъ слояхъ общества, ни когда не остается ихъ неотъемлемымъ достояніемъ, но всегда и постоянно проливаетъ живительные лучи и на народныя массы состоящіи съ этими классами въ тѣсныхъ взаимныхъ сношеніяхъ. Проявленіе этого закона видно въ особенности на сельскомъ населеніи въ сельско-хозяйственномъ отношеніи.

Роковое значеніе для Россіи имѣло то обстоятельство, что помѣщики въ полномъ смыслѣ этого слова, мало проживали въ своихъ помѣстьяхъ среди деревенскаго населенія. Въ погонѣ за чиномъ дворянство принуждено было поступать въ военную или гражданскую службу и поэтому жило больше въ городахъ, чѣмъ въ деревнѣ. Въ слѣдствіе этого сельскій людъ былъ лишенъ единственнаго въ то время возможнаго для него образующаго и воспитывающаго элемента. Въ то время и въ прибалтійскомъ краѣ мало было народныхъ школъ способныхъ распространять сколько нибудь просвѣщенія, но здѣсь всегда былъ многочисленный классъ помѣщиковъ образованныхъ и просвѣщенныхъ, съ свѣтлымъ взглядомъ на вещи, помѣщиковъ по большей части лично заправлявшихъ своими хозяйствами и состоявшихъ въ непрерывныхъ сношеніяхъ съ подвластными имъ крестьянами. Они пользовались властію предоставленной имъ во времена крѣпостнаго права, чтобъ пріучить народъ къ порядку и нравственности; въ своихъ хозяйствахъ они показывали крестьянамъ образцы сельско хозяйственныхъ учрежденій; часто слѣдили они заботливо за ходомъ хозяйства въ арендныхъ участкахъ, возводили по собственнымъ планамъ для крестьянъ и домы и другія постройки и тамъ и сямъ вводили усовершенствованные пріемы самаго воздѣлыванія полей. Все это не

могло не оставить глубокихъ слѣдовъ въ матеріальной и нравственной жизни крестьянъ, которые такимъ образомъ были вышколены, просвѣщены и исподоволь на сколько возможно воспитаны и подготовлены къ новому порядку вещей. И когда наступила пора примѣниться къ новому порядку вещей, пора эта нашла у крестьянъ пониманіе новыхъ обязанностей и новыхъ задачъ жизни. И при всемъ томъ оказалось нужнымъ и здѣсь приступать къ дѣлу осторожно, постепенно вести крестьянъ къ полной гражданской свободѣ и мы высказываемъ искреннее свое убѣжденіе утверждая, что имянно этому постепенному проведенію реформы слѣдуетъ приписать столь необыкновенно счастливые результаты ея. У сельскаго люда всегда столько укоренившихся предразсудковъ, столько врожденныхъ привычекъ, столько даже недовѣрія, что все надо преодолѣть, прежде чѣмъ онъ сдѣлается способнымъ понять и оцѣнить новое и непривычное. Но на все это требуется время и простой селянинъ тогда только освоится съ новыми явленіями, когда путемъ постепенныхъ примѣненій и переходовъ онъ станетъ признавать въ нихъ послѣдствія вещей привычныхъ, съ которыми онъ уже успѣлъ сжиться.

Коренной, не подготовленный разрывъ съ прошедшимъ оказался и при эманципаціи въ Имперіи тѣмъ же опаснымъ опытомъ, какимъ такой разрывъ всегда окажется тамъ, гдѣ его не съумѣли избѣжать при введеніи значительныхъ и рѣшительныхъ перемѣнъ въ жизни народа. Не меньше чѣмъ на послѣдствіяхъ этой реформы, можно прослѣдить это явленія и на незначительной пользѣ для государства земскихъ учрежденій, стоившихъ столько времени и денегъ, и на сомнительномъ направленіи принятомъ судомъ присяжныхъ. Народъ долженъ быть воспитанъ и подготовленъ къ столь обширнымъ льготамъ и правамъ, и только тогда съумѣетъ онъ пользоваться ими какъ слѣдуетъ. А потому

и опасаемся мы, что никакія измѣненія въ самыхъ учрежденіяхъ не поведутъ къ существенному улучшенію положенія вещей, какъ не привели къ нему и всѣ значительныя жертвы понесенныя въ сложеніи недоимокъ и облегченіи платежей. Прежде всего самому народу надо достигнуть большей зрѣлости. Но къ сожаленію кажется, что въ настоящее время это еще труднѣе чѣмъ было при началѣ реформы, ибо въ настоящее время въ деревнѣ ощущается еще большій недостатокъ чѣмъ тогда въ воспитательномъ элементѣ. Посредствомъ однихъ чиновниковъ можно править народомъ, но нельзя воспитать его. Для этого нуженъ въ обществѣ классъ умственно болѣе развитый, болѣе просвѣщенный; только одинъ такой классъ способенъ оказывать образовательное вліяніе на ходъ крестьянскаго хозяйства, способенъ руководить народомъ и подерживать его благимъ совѣтомъ. Приобрѣсть снова такое вліяніе на народъ было бы для помѣщиковъ дѣломъ труднымъ, послѣ того какъ прежнія ихъ сношенія съ нимъ были насильственно порваны, что повело къ антагонизму, при такихъ обстоятельствахъ естественному, противъ прежнихъ крѣпостныхъ владѣльцевъ. Г. Кавелинъ надѣется, что солидарность интересовъ сведетъ опять оба класса земскаго общества. Къ сожалѣнію едва ли, ибо предпосылаемое самимъ Г. профессоромъ существенное для такого сближенія требованье, сословіе крестьянъ на самомъ дѣлѣ независимыхъ, отсутствуетъ совершенно.

Если правда что теперешнее помѣщичье хозяйство въ Россіи держится преимущественно благодаря нуждѣ деревенскихъ жителей, такъ какъ въ деревнѣ будто бы рѣдко находятъ другихъ роботниковъ, какъ развѣ такихъ, которыхъ общинное начальство ставитъ помѣщикамъ на принудительныя работы для выручки накопившейся на нихъ недоимки, — или же такихъ, которые, чтобъ избѣжать нищеты на родинѣ, идутъ далеко на

сторону, ища работы; если все это вѣрно, то едва ли вѣроятно, чтобы когда либо установились между помѣщиками и крестьянами тѣ отношенія, которыя одни могутъ упрочить вліяніе, о которомъ мы говорили.

И такъ причину, почему идеалъ Г. Кавелина не можетъ осуществиться, надо кажется искать въ самомъ устройствѣ вновь созданныхъ отношеній.

При этомъ все движется въ крайне прискорбномъ для истиннаго патріота, по видимому безвыходномъ circulus vitiosus; по крайнѣй мѣрѣ мы должны предоставить другимъ, болѣе свыкнувшимся съ Русскими аграрными условіями отыскивать путь, могущій вывесть изъ этого положенія.

Возвратимся теперь къ засвидѣтельствованному Г. Кавелинымъ, въ самомъ введеніи въ его статью разладу между интеллигенціями Русской и прибалтійской. Г. профессоръ Кавелинъ полагаетъ, что причину этого разлада надлежитъ искать на прибалтійской сторонѣ. Образованные остзейцы, говоритъ онъ, оказали безспорно великія заслуги Россіи въ тѣ времена, когда въ Имперіи былъ большой недостатокъ силъ. По немногу однако у молодаго орла подросли крылья и у Русскаго народа сталъ проявляться все съ большей и большею силой собственный, самобытный геній и народъ этотъ въ естественномъ самосознаніи захотѣлъ идти своимъ собственнымъ путемъ. Этого будто бы не замѣчаютъ и не хотятъ понять сжившіяся съ Европейской культурой просвѣщенные классы прибалтійскаго края и отказываютъ даже въ признаніи только еще возникающей своеобразной Русской культурѣ. Изъ столкновенія двухъ этихъ видовъ культуры и выросъ разладъ, доходящій даже до безотчетной ненависти.

Ужели это достаточное объясненіе разлада возникшаго между просвѣщенными представителями великаго и могущаго народа и горстью образованныхъ прибалтій-

цевъ въ политическомъ отношеніи совершенно безсильной? Какимъ образомъ могли бы они мѣшать самобытному развитію Русскаго народа, или задержать это развитіе? — Разладъ, о которомъ идетъ рѣчь еще такъ недавенъ, что еще есть возможность прослѣдить его возникновеніе; постараемся же замѣнить не достаточное объясненіе, данное Г. Кавелинымъ, другимъ, болѣе соотвѣтствующимъ фактамъ.

Если чистосердечно искать взаимнаго разумѣнія надо раскрыть и выяснить суть дѣла, дабы искренніе и проникнутые чувствомъ примиренія патріоты могли составить себѣ правильное о немъ сужденіе.

Послѣ продолжительной внутренней и внѣшней борьбы, въ которой прибалтійскій край слишкомъ часто служилъ поприщемъ опустошительныхъ войнъ за интересы ему чуждые, войнъ наводившихъ на него несказанныя бѣдствія, край этотъ обрѣлъ наконецъ въ присоединеніи къ Русской Имперіи миръ и достаточное спокойствіе чтобы вновь окрѣпнуть, хотя бы въ одномъ, хозяйсвенномъ отношеніи. И этой порой мира и спокойствія съумѣли воспользоваться. Благодаря самоуправленію съ полной административной самостоятельностью, край этотъ пробудился къ новой плодотворной дѣятельности и могъ сослужить Имперіи, которой онъ былъ обязанъ за покровительство и защиту, ту службу, которую такъ высоко цѣнитъ Г. Кавелинъ. Хотя много силъ уходило на службу Имперіи, способствуя ея внутреннему благоустройству, или ратуя въ ея войнахъ, все же оставалось довольно силъ въ предѣлахъ края, для работы, не безуспѣшной, надъ рѣшеніемъ задачъ его собственной, внутренней жизни. Въ ряду этихъ задачъ первое мѣсто занимало устройство быта крестьянъ, и мысль устранить крѣпостную зависимость одушевляла и исключительно занимала патріотовъ въ краѣ, почти единовременно съ пробужденіемъ ея на западѣ, и гораздо раньше чѣмъ

освобожденіе крестьянъ казалось возможнымъ въ имперіи. — Отъ мысли скоро перешли къ дѣлу и вотъ открылось поле, на которомъ самоуправленіе края и сельское его хозяйство довели до зрѣлости обильные и богатые плоды. Никого не удивитъ, если въ слѣдующемъ за тѣмъ времени не подвинулись замѣтно впередъ на этомъ поприщѣ. Въ то время и въ Имперіи не было замѣтно особенной дѣятельности и выдающагося развитія. Въ остзейскихъ провинціяхъ слѣдили за близь лежащими сельско хозяйственными интересами, совершенствовались на сколько это было возможно, платили подати безъ недоимокъ и жили тихо и скромно при существующемъ общественномъ строѣ и въ совершенномъ ладу съ прочими поданными Имперіи. Хотя въ ближайшемъ сосѣдствѣ провинцій и поднимался по временамъ открытый мятежъ, у ихъ границъ онъ всегда затихалъ, и нигдѣ въ отзейскомъ краѣ не были нарушены тишина и порядокъ. Когда же и надъ Россіей взошла заря новаго, свѣтлаго дня, то и въ прибалтійскомъ краѣ все зазеленѣло и зацвѣло вновь. Покуда въ Имперіи только еще приступали къ проэкту эманципаціи, у насъ уже завершали дѣло аграрной реформы. Но долгій застой общественной жизни поставилъ на чреду много вопросовъ, которые всѣ требовали рѣшенія. Судопроизводство, самоуправленіе, препятствія налагаемыя на пріобрѣтенье недвижимости сословными привилегіями отжившими свой вѣкъ, исключительность политическихъ правъ, все это и еще многое иное взывало къ реформамъ. Съ лихорадочною поспѣшностью взялись сословія за рѣшеніе этихъ задачъ, чтобъ наверстать то, что безъ ихъ вины такъ долго было откладываемо. Проэкты, вполнѣ соотвѣтствующіе требованіямъ дня, тщательно выработывались, и подавались Правительству, которое въ то время, хотя и подвергало ихъ строгой критикѣ, тѣмъ не менѣе принимало ихъ по большей части благо-

склонно и нѣкоторые изъ нихъ даже утвердило и пустило въ ходъ. Кто же, если не интеллигенція обѣихъ столицъ въ выдающихся органахъ печати сталъ намъ поперекъ дороги и пріостановилъ всякое преоброзовательное движеніе въ краѣ? Зачѣмъ это дѣлалось?

Снова вспыхнуло польско-литовское возстаніе. Его конечно надлежало подавить со всею энергіей. Легко понять что патріотизмъ и національное чувство Русскаго народа, особенно оживленное благопріятными свободѣ стремленіями новой эры, проявились теперь съ большей силой чѣмъ когда либо прежде. Чувства эти, вновь и вновь возметаемыя интеллигенціей, должны были дойти до страстнаго раздраженія по поводу счастливо одержанныхъ надъ поляками побѣдъ. Польшу усмирили, однако все еще бродили волны расходившихся бурныхъ страстей. Послѣ окончательнаго укрощенія Польши, національное чувство, въ высшей степени возбужденное, не находило болѣе подходящаго предмета. — Тутъ вдругъ сдѣлали открытіе, что населенный не Русскими прибалтійскій край есть также окраина, и такъ какъ эти провинціи управлялись въ силу привилегій на основаніи особыхъ мѣстныхъ законовъ, пользовались значительною долію самоуправленія и за послѣднее время сдѣлали большіе успѣхи въ своемъ своеобразномъ быту, то Русская интеллигенція и въ журналахъ и въ болѣе серіозныхъ особыхъ статьяхъ принялась теперь направлять національную раздраженность на эти прибалтійскія провинціи.

Въ чемъ же одноко провинился прибалтійскій край? Развѣ и въ немъ проявились какіе нибудь признаки возстанія, какія нибудь поползновенія отдѣлиться, политически обособиться? — Остзейскія провинціи имѣли конечно особенное административное положеніе сообразное съ ихъ особенными учрежденіями и мѣстными законами, но онѣ всегда составляли нераздѣльную часть

Имперіи. Но это государственное единеніе уже не удовлетворяло нѣкоторую часть Русской прессы — она требовала однообразія въ организаціи, учрежденіяхъ, законахъ, елико возможно даже въ языкѣ и вѣрованьяхъ, однимъ словомъ всего того, чего требовала и для возставшихъ Литовскихъ губерній.

И вотъ словно хоромъ запѣли органы Русской печати тревогу противъ этихъ неизмѣнно вѣрныхъ и преданныхъ своему монарху провинцій. А между тѣмъ не за долго предъ тѣмъ въ Крымскую войну прибалтійскій край выставилъ дружину юношей принадлежащихъ къ высшимъ сословіямъ для участія въ охранѣ Имперіи, сыны того же края способствовали подавленію польскаго возстанія, и въ самое время этихъ нападокъ представители нашего края выразили, по поводу извѣстныхъ нотъ, свою готовность на всякія жертвы чтобы отразить непрошенное вмѣшательство извнѣ во внутреннія дѣла Имперіи.

Въ виду такихъ фактовъ было бы трудно подъискать сколько нибудь благовидный предлогъ къ такому насильственному перевороту, который отвѣчалъ бы намѣреніямъ и цѣлямъ одной партіи въ Русскомъ обществѣ. Пришлось прибѣгнуть къ заподозрѣваніямъ и это было предумышленная ложь, когда насъ стали упрекать въ стремленіяхъ къ сепаратизму, когда наши учрежденія представляли все еще какъ феодальныя, и старались доказать, что бѣдные яко бы Латыши и Эсты отданы на произволъ Нѣмецкихъ бароновъ. Изъ такихъ ложныхъ, только для достиженія извѣстной цѣли распускаемыхъ очерковъ и изображеній, выросла по немногу цѣлая легенда, въ истину которой твердо вѣруетъ современный Русскій патріотъ, мало знакомый съ самою сущностью дѣла. Такимъ образомъ удалось представить въ глазахъ правительства и самого Русскаго народа искренне приверженную интересамъ государства и не-

преклонно вѣрную царствующему дому прибалтійскую интеллигенцію какъ мало надежную, а въ неудовлетворительномъ яко бы состояніи этихъ провинцій найти достаточный поводъ къ переустройству ихъ въ смыслѣ однообразія.

Взываемъ къ справедливости Г. Кавелина и ставимъ вопросъ: могло ли все это не оскорбить глубоко всякаго честнаго Остзейца, не должно ли было смутить и разстроить его? И самые эти пріемы достойны ли они великаго и могущаго народа, какъ бы искалъ онъ подспорья для преобладанія своей національности въ насильственномъ разрушеніи прибалтійской самобытности, выработанной историческимъ процессомъ, самобытности относительно столь малой части Имперіи, которая оказывала Государству безспорно только услуги и никогда не причиняла никакихъ затрудненій и замѣшательствъ? Далѣе, достойно ли было интеллигенціи великаго и могущаго государства, интеллигенціи озабоченной безъ сомнѣнія образованіемъ и просвѣщеніемъ народа, стремиться подавить и испровергнуть особую культуру края единственно ради однообразія? Какихъ же политическихъ выгодъ ожидать отъ такого пожертвованія культурными средствами въ государствѣ столь еще до нынѣ бѣдномъ этими средствами? Развѣ языкъ большинства представляетъ желаемый залогъ въ благонадежности, патріотическомъ образѣ мыслей народа? Въ большей части центральной Россіи думаютъ, говорятъ и пишутъ исключительно по Русски, и этотъ языкъ есть тамъ единственный проводникъ образованія ума и сердца. Однако не эта ли обширнѣйшая часть Россія выставила наибольшее число нигилистовъ и заговорщиковъ противъ государственнаго и общественнаго строя Имперіи? И такъ не столько одинъ языкъ самъ по себѣ, какъ совокупность всѣхъ культурныхъ данныхъ нравственнаго и умственнаго развитія въ народѣ можетъ и должна

вліятъ на образъ мыслей каждаго въ особенности. По явленіе Вѣры Засуличъ, напр. было бы въ прибалтійскомъ краѣ немислимо и ея оправданіе на судѣ никогда бы не вызвало рукоплесканія и ликованія прибалтійской публики. Это слѣдуетъ само собой изъ характеристическихъ особенностей своеобразнаго прибалтійскаго быта; ужели заслуживаетъ за то этотъ бытъ порицанія и осужденія? И далѣе, возможно ли такимъ обращеніемъ съ образованными классами края достигнуть приравненія, которое на самомъ дѣлѣ отвѣчало бы дальнѣйшимъ видамъ правительства? Намъ кажется что искренная преданность власти, искренняя приверженность къ политическому союзу основанномъ на государственномъ правѣ, что истинныя чувства любви и привязанности гораздо лучше и легче возбудить благосклоннымъ вниманіемъ къ особенностямъ никого не стѣсняющимъ и уваженіемъ къ правомъ утвержденнымъ правительствомъ. Такой путь могъ бы на самомъ дѣлѣ привести къ уподобленію, которое имѣло бы преимущество покоиться на солидарности интересовъ и на общности культурныхъ цѣлей, а не на внѣшностяхъ вызванныхъ искуственно. Тогда не могло бы быть и рѣчи объ остзейскомъ вопросѣ, вопросѣ обязанномъ своимъ возникновеніемъ единственно измышленіямъ Русской интеллигенціи.

Но насъ ожидало еще нѣчто худшее. — Необыкновенные успѣхи Нѣмецкаго оружія въ войнахъ, до насъ вовсе не касающихся, успѣхи, которые привели наконецъ къ возстановленію Германской Имперіи, отозвались новымъ раздраженіемъ на умственномъ настроеніи Русскаго общества, раздраженіемъ еще болѣе неблагопріятнымъ для прибалтійскихъ провинцій. Припомнили, что большинство образованныхъ прибалтійцевъ Нѣмецкаго происхожденія и говоритъ по нѣмецки, ergo ихъ интересы тяготѣютъ къ новой Нѣмецкой Имперіи; с. б., сами Нѣмцы, образованные прибалтійцы въ состояніи онѣме-

чить Латышей и Эстовъ, и, мало этого, могутъ стать измѣнниками самой Россіи — и вновь раздалось caveant consules! — И на этотъ разъ не произошло ничего такого, что могло бы подать поводъ хотя къ тѣни подозрѣнія. Образованные прибалтійцы говорятъ по нѣмецки, какъ образованные Белгійцы и часть Швейцарцовъ по французски, хотя интересы ихъ ничуть не тяготѣютъ къ Франціи. Тѣмъ не менѣе выдана пароль: выживать Нѣмцевъ посредствомъ Латышей и Эстовъ, составляющихъ большинство населенія прибалтійскаго края! — Не лежала ли въ этой пароли приманка для образованныхъ и полуобразованныхъ народныхъ вожаковъ вызвать въ самомъ краѣ внутреннюю борьбу народностей, которая должна была непремѣнно принять соціально-политическій характеръ, такъ какъ Латышей и Эстовъ никогда не гнали за ихъ національность. Никогда не стояло въ программѣ прибалтійской соціальной политики навязать Латышамъ и Эстамъ нѣмецкій языкъ. Политика эта никогда ничего иного не преслѣдовала, какъ образовать народъ на сколько это было возможно въ доступной ей сферѣ дѣятельности. Но для этого не было никакой надобности лишать народъ его національности и у насъ никогда не носились съ безумной мечтой, что можно замѣнить другой рѣчью его природную рѣчь. Проживая среди иноязычнаго племени единичный человѣкъ можетъ усвоить себѣ чужую рѣчь, а въ слѣдующемъ поколѣніи, выросшимъ подъ вліяніемъ мѣстнаго языка и мѣстныхъ нравовъ можетъ совершиться и самый процессъ утраты національности; но иное дѣло цѣлое племя, или хотя бы болѣе или менѣе значительная группа на одномъ мѣстѣ проживающихъ и говорящихъ на одномъ и томъ же языкѣ. Историческій опытъ доказываетъ, что при такомъ положеніи дѣлъ еще никогда одинъ языкъ, хотя бы онъ вовсе не имѣлъ собственной литературы, не приносился въ жертву другому, хотя бы

и болѣе богатому и розработанному. Не существуетъ такой силы, которая могла бы произвесть достаточное давленіе въ этомъ смыслѣ; а потому и въ прибалтійскомъ краѣ, въ средѣ образованныхъ классовъ общества борьба съ природными нарѣчіями Латышей и Эстовъ никогда не предполагалась и никогда не предпринималась. Помѣщики по деревнямъ, также какъ и городскіе жители и чиновники знаютъ мѣстные языки и употребляютъ ихъ исключительно въ сношеніяхъ съ Латышами и Эстами. Что образованные изъ Латышей и Эстовъ пользуются и Нѣмецкимъ языкомъ, это совершенно естественный результатъ выше стоящей Нѣмецкой образованности; Но въ церкви и въ народной школѣ, въ судахъ и въ административныхъ учрежденіяхъ, какъ и въ сношеніяхъ частной жизни человѣкъ изъ народа слышетъ только свой языкъ, говоритъ только на немъ и не имѣетъ нужды знать другаго. Но конечно и этотъ человѣкъ, какъ это вездѣ бываетъ, чувствуетъ соціальное разстояніе между классами менѣе образованными и классами болѣе просвѣщенными. С. б. одно только это разстояніе и могло сдѣлаться предметомъ новой борьбы. И вотъ въ этой борьбѣ начала свирѣпствовать печать и, заподозриваетъ все нѣмецкое и просвѣщенное въ городахъ и селахъ. И такое дѣйствіе мѣстной печати простому человѣку, читающему по большей части только одну газету, и всей душой вѣрующему печатному слову, должно казаться чѣмъ то состоящимъ подъ покровительствомъ правительства и соотвѣтствующимъ дальнѣйшимъ его видамъ. Вредному направленію этой прессы, первый толчокъ которому дала Русская интеллигенція, высказывавшаяся въ свободной отъ предварительной цензуры Русской печати, слѣдуетъ приписать то озлобленіе, которое охватило нѣкоторыхъ изъ народа. Замѣчательно однако, что преступленія совершались не только надъ помѣщиками и ихъ собственностью, но постигали и крестьянъ и ихъ

домы и хозяйственныя постройки на ихъ участкахъ. Изъ этого лучше всего видно, что дѣло не въ племенной ненависти, не имѣющей здѣсь никакого основанія, а въ вспышкахъ дикой необузданности и полнаго презрѣнія къ существующему порядку вещей и вообще ко всякому авторитету. А по этому было бы крайне несправедливо эти преступленія вмѣнять въ вину народу въ большинствѣ своемъ разумному и нравственному.

Каково должно быть на сердцѣ у образованныхъ классовъ прибалтійскаго края, на которые направлены всѣ эти преслѣдованія большой и малой Русско-эстонско-латышской печати, которые безнаказанно подвергаются насмѣшкамъ и поруганію, выставляются пришельцами изъ чужбины и колонистами въ собственной землѣ и даже врагами государства? Забываютъ, что эти мнимые колонисты уже болѣе 700 лѣтъ какъ завоевали этотъ край, что Русскіе цари вели съ ними войны и заключали договоры, и что они это были, которые, какъ представители земли, отъ имени всѣхъ обитателей ея подписали капитуляціи и прочія грамоты, въ силу которыхъ край этотъ поступилъ подъ власть и защиту нашего Государя.

Если же въ одной рѣчи, недавно преданной гласности, незначительная горсть здѣшнихъ Русскихъ жителей выставляется „стоящей на передовой стражѣ, и блюстительницей государственныхъ интересовъ,“ то этимъ какъ бы указывается на какую то опасность грозящую этимъ интересамъ въ прибалтійскомъ краѣ. При этомъ казалось забытымъ, что предки этихъ немногихъ Русскихъ искали нѣкогда именно въ этомъ краѣ свободы совѣсти и прибѣжище отъ преслѣдованій на родинѣ, и что еще не много тому назадъ самая эта горсть Русскихъ считалась чуть ли не враждебной этимъ самымъ интересамъ.

Спрашиваемъ, какія горькія чувства должны пробудиться въ сердцѣ каждаго прибалтійца отъ такихъ на-

падокъ, каждаго сознающаго свою безупречную вѣрноподданность, и спрашиваемъ еще и еще разъ не проще ли объяснить ими, по крайнѣй мѣрѣ со стороны Остзейцевъ, ту натянутость взаимныхъ отношеній, то охлажденіе, о которыхъ говоритъ Г. Кавелинъ? Но мы не въ состояніи понять, какой былъ поводъ къ раздраженію со стороны Русской интеллигенціи. Къ сожалѣнію распря поднялась не изъ за положенія дѣлъ въ Россіи, а въ прибалтійскомъ краѣ, и если въ жару спора у того или другаго публициста вырвалось слово задорное или даже оскорбительное, такое слово не можетъ же быть принято за выраженіе чувствъ всего общества. Но Г. профессоръ говоритъ еще что разладъ и раздраженіе это доходятъ до горькой ненависти и до озлобленія. Кто можетъ заглянуть въ сердце каждому отдѣльному человѣку; но мало мальски въ общемъ смыслѣ такой ненависти не существуетъ съ прибалтійской стороны; по крайнѣй мѣрѣ она нигдѣ и ни въ чемъ не обнаруживалась, ибо туземная періодическая печать держалась и держится, на сколько это ей дозволено, въ оборонительномъ положеніи, и никогда не думала нападать на бытовыя явленія и отношенія, ни сколько ея не касающіяся. Одно чувство господствуетъ здѣсь и подавляетъ духъ, горькое чувство невинно страждующаго. Однако слова сказанныя по этому поводу Г. Кавелинымъ приводятъ намъ на память великодушное признаніе одного благороднаго Русскаго патріота, который не такъ давно, узнавъ свою ошибку, объявилъ откровенно и честно, что и онъ, объятый общимъ увлеченіемъ, думалъ въ прежнее время, что быть Русскимъ патріотомъ и ненавидѣть все нѣмецкое въ прибалтійскихъ провинціяхъ, было одно и то же. Къ сожалѣнію опыты вынесенные изъ жизни подтверждаютъ вновь и вновь и съ избыткомъ что такое отождествленіе ненависти къ прибалтійскимъ провинціямъ и любви къ Россіи и

теперь еще очень распространено, и мы часто задавались вопросомъ, какимъ образомъ раздѣляющія подобныя воззрѣнія найдутъ возможность рѣшать безпристрастно и съ знаніемъ дѣла какія бы то ни было задачи могущія выпасть на ихъ долю въ прибалтійскомъ краѣ.

По истинѣ время, которое мы проживаемъ, время тяжелое и преисполненное страданій; и мы находимъ одно только утѣшеніе, именно въ томъ, что нашъ внутренній строй, оказался здравымъ на дѣлѣ. Если, не смотря на тревогу ведомую такъ системитически, все таки внутренній миръ былъ сохраненъ, взаимныя отношенія помѣщиковъ и крестьянъ не пострадали существенно и совершающійся на основаніи добровольнаго соглашенія переходъ арендныхъ участковъ въ собственность крестьянъ шелъ непрерывно своимъ порядкомъ, то все это доказываетъ до очевидности, что въ самыхъ условіяхъ и отношеніяхъ жизни не было повода нападать на насъ съ такимъ ожесточеніемъ. А потому мы питаемъ надежду устоять въ борьбѣ ведомой съ нами, въ твердомъ упованіи на защиту, которую послѣ Бога мы обрѣли въ мудрости и справедливости Нашего Монарха.

2014101964